

Князь перед кончиной: «Даю ряд сыном своим и своей княгини...»

Конявская Е.Л.

Институт Российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8960-9837>, e-mail: ekonyavskaya@gmail.com

В статье рассмотрены летописные тексты и завещания князей, раскрывающие их попечение о будущем семьи и рода. Показана важная роль княгинь в разрешении семейных споров, попечении о сохранении вотчин сыновей после смерти супруга.

Ключевые слова: семья и род, забота о будущем, княжеские завещания, княгини.

Финансирование: Работа подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

Для цитаты: Конявская Е.Л. Князь перед кончиной: «Даю ряд сыном своим и своей княгини...» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 99–106. DOI:10.17759/langt.2023100408

Prince Ante Mortem: «I Give a Last Will to My Sons and My Princess»

Elena L. Konyavskaya

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8960-9837>, e-mail: ekonyavskaya@gmail.com

The article considers annalistic texts and wills of princes, revealing their care about their families' and clans' future. The important role of princesses in solving family disputes, caring for the preservation of sons' fiefdoms after a spouse's death is shown.

Keywords: family and clan, care about future, wills of princes, princesses.

Funding: The article was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 19-18-00247-P «The Court of Russian Princesses in the System of Power Structures of Ancient Russia and Western Europe during the Middle Ages and Early Modern Times (11-16 Centuries)».

For citation: Konyavskaya E.L. Prince Ante Mortem: «I Give a Last Will to My Sons and My Princess». *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 99–106. DOI:10.17759/langt.2023100408 (In Russ.).

Завещания князей — документы, в которых чаще, чем в других, и с большим разнообразием представлена информация, касающаяся забот князей о благополучии своих потомков.

Завещание — «ряд», который дается князем детям и супруге. Завещатель старался не только обеспечить своих потомков и будущую вдову материально, но и считал своим долгом предусмотреть соблюдение в своей семье определенного порядка, предотвратить распри и вражду.

Сохранность древнерусских актов не позволяет в полной мере обратиться к документам до начала XIV в. Мы располагаем только летописным материалом. Ростислав Мстиславич незадолго до смерти признается, что его помыслы о пострижении в Киево-Печерском монастыре были связаны с обстоятельствами смерти его союзника и свата Святослава Ольговича Черниговского. Последний, видимо, не оставил завещания, и после его смерти в Чернигове развилась опасная интрига, в которую были вовлечены его вдова «с мужи княза своего с передними», тысяцкий Юрий и епископ Антоний. Они решили не сообщать Святославу Всеволодичу о смерти дяди, пока в город не въедет Олег Святославич, сын умершего князя. Целование нарушил Антоний, послав весть Святославу. Но, к счастью, двоюродные братья сумели договориться миром. По-видимому, сам Ростислав завещание составил, поскольку после его смерти никаких конфликтов и проблем с замещением смоленского стола не возникло. Определенно говорится в Ипатьевской летописи и о завещаниях его сыновей — Мстислава и Давыда. Данные о содержании этих завещаний крайне скудны. Однако очевидно, что обоих братьев волновало будущее их детей. Мстислав умер молодым и должен был отдать распоряжение о несовершеннолетних детях. Сына Владимира он оставляет на попечение боярина Бориса Захарьича, верно служившему еще его отцу. Но при этом его дальнейшее судьба и распоряжение до определенного времени завещаемой сыну «волости» в руках братьев Мстислава — Рюрика и Давыда. Видимо, он отдал распоряжения и о других сыновьях, поскольку далее сообщается, что он приказал «дѣти свои братьѣ своеи» [6, стб. 609]. Распоряжения Давыда Ростиславича сложнее: «столь свои даль снѡвцю своему . Мьстиславоу Романовичю . а снѧ своего Костантина в Роусь посла братоу своему Рюрикови на роуцѣ» [6, стб. 704-705].

Более подробную информацию о содержании завещания князя сохранил для нас волынский летописец, передав, хотя и не полностью, содержание двух духовных грамот тяжело больного Владимира Васильковича. Грамоты касались его двоюродного брата Мстислава Даниловича и жены Ольги Романовны (дочери брянского князя Романа). Брату переходят «города» Владимира и стольный город, Ольге Романовне «по своемъ животѣ» он оставляет «городъ свои Кобрынъ и с людми и з данью» » [6, стб. 903], ряд сел с правом собирать дань и мыт. К ней переходит монастырь Святых Апостолов вместе с прикупленным для него селом Березовичи. Ситуация была нетипичной, поскольку супруги не имели детей, у них была лишь воспитанница («детиче») Изяслава, которую князь тоже, видимо, наделил какими-то владениями или средствами. При этом Владимир Василькович потребовал, чтобы Мстислав целовал крест в том, что по его «животе» ничего не заберет из завещанного Ольге и Изяславе, а также не выдаст последнюю замуж «неволею», а «кдѣ боудеть княгинѣ моеи любо тоутоть ю дати» [6, стб. 904]. Мстислав обещал иметь «ятровь как достоиную м(а)т(е)рь собѣ» и чтить, а «дѣта» растить и отдать замуж «аки свою дщерь родимоую» [6, стб. 905].

В княжеских завещаниях XIV в. разработанность различных норм такого рода усложняется и детализируется. Дабы избежать распрей между сыновьями — старшему передавался главный стол и большие владения. По завещанию Ивана Калиты, как отмечает В.А. Кучкин, старший сын Семен получал 34% владений отца при том, что в наследовании участвовали еще два младших брата, вдова и маленькие дочери Ивана Калиты. Такое первенство старшего сына сказывалось также на возможностях получения налогов и др. [2, с. 136-137].

Симеон Гордый умирает в 1353 г. во время эпидемии легочной чумы, составив завещание в пользу супруги Марии Александровны. Младшие его сыновья Иван и Семен умерли от этой болезни. Про старших Даниила и Михаила прямых данных нет. Симеон мог составлять завещание в расчете на покровительство княгини малолетнему сыну/сыновьям. Реально же великокняжеский стол перешел к его брату Ивану Ивановичу (Красному), который отобрал у великой княгини значительную часть завещанных ей владений и материальных поступлений от пошлин [5].

Разрешение сложных моментов во внутрисемейных ситуациях возлагались на княгинь, которые часто на годы (и даже десятки лет) переживали своих мужей. В полной мере это проявилось во второй духовной грамоте Дмитрия Донского. Великая княгиня Евдокия представлялась гарантом исполнения завещания: «Приказываю дѣти свои сво|еи княгинѣ. А вы, дѣти мои, живите заодин, а м(а)т(е)ри своее слушаите | во всем» [3, с. 132]. И такая фраза будет повторяться в завещаниях Владимира Андреевича Серпуховского, двоюродного брата Дмитрия Ивановича, и потомков Дмитрия – Василия Дмитриевича и Василия Васильевича. Так, в завещании Владимира Андреевича читается: «приказываю дѣти свои кн(а)г(и)не своеи. А вы, дети мои, живите заодин, а м(а)т(е)рь свою чтите и слушаите» [13]. У Василия Дмитриевича к моменту составления завещаний (второго и третьего) был лишь один сын – Василий. Соответственно в документе читается: «Приказываю своего с(ы)на, князѣ Васильѣ, своеи... княгинѣ. А ты, с(ы)нъ мои, князь Василеи, чти матери и слушаи | своее матери в мое мѣсто, своего отца» [14]. Позже сам Василий Васильевич заповедует: «Приказываю свои дѣти своеи кн(а)г(и)нѣ. А вы, мои дѣти, живите заодин. А м(а)т(е)ри своеѣ слуша|ите во всем в мое мѣсто, своего ѿца» [15].

В душевной грамоте Дмитрия Донского эта мысль повторяется и в конце акта: «А приказал есмь свои дѣти своеи княгинѣ. А вы, дѣти мои, слушаи|те своее м(а)т(е)ри во всем, изъ ее воли не выступаите ни в чем. А которыи с(ы)нъ | мои не имет слушати свое м(а)т(е)ри, а будет не въ ее воли, на том не будет моего бл(а)г(о)с(ло)в(е)нѣ» [3, с. 136].

Дмитрий Донской определяет, что великая княгиня должна наделить уделом сына, который может родиться уже после написания духовной, «возма по части оу болшиѣ его братьи» [3, с. 137]. Княгиня Евдокия была на сносях, и князь предусматривал рождение сына. Действительно, именно сын (Константин) родился за четыре дня до смерти Дмитрия.

В точности выполнить этот пункт завещания Евдокии не удалось. Из первого завещания Василия Дмитриевича ясно, что Константину были выделены Тошна и Устюжна — территории великокняжеские, другие братья, видимо, не участвовали в наделении младшего владениями.

Другая статья завещания устанавливала: «А по грѣхом отъимет Б(о)гъ с(ы)на моего, князѣ Васильѣ, а хто будет подѣл м(а)т(е)ри мои, ино тому с(ы)ну моему князѣ Васильевѣ оудѣл, а того оудѣломъ подѣлит их моѣ княгини. А вы, дѣти мои, слушаите своее м(а)т(е)ри, что

кому дать, то тому и есть» [3, с. 135]. Это означало, что Евдокия должна была обеспечить переход к следующему по старшинству сыну (Юрию) великого княжения, если умрет Василий. Такое распоряжение князя имело свои причины. Василий был ненамного старше других сыновей, никто из сыновей на тот момент не был женат и, соответственно, не имел наследников.

Великая княгиня не пережила старшего сына и тем самым избежала участия в драматических коллизиях, к которым привела эта статья завещания. Последствия были трагическими. В Орде в споре перед «царем» Василий Васильевич, старший сын Василий Дмитриевича, претендовал на великое княжение «по отчеству и дѣдству», ссылаясь также на уже имевшиеся от татарского правителя девтери и ярлыки. Юрий же ссылался на духовную грамоту отца и «летописцы» [9, с. 172]. Спор выиграл Василий, получив от хана великий стол, Юрию был отдан Дмитров. Это решение не остановило борьбу, династическая война продолжалась до 1450 г.

Кроме сыгравшего столь ключевую роль пункта о наследовании великокняжеского стола по духовной Дмитрия Донского на плечи княгини ложилось обеспечение компенсации, если вдруг у кого-то из сыновей «оубудет о(т)ч(и)ны» — она должна наделить его частью уделов братьев. «А вы, дѣти мои, м(а)т(е)ри слушайте», — добавляется в той же статье. Подобным же «усилением» заканчивается статья о разделе владений умершего сына (по-видимому, если скончавшийся был бездетным): «ко|торому что дать, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъс(а)» [3, с. 135].

Князь предусмотрел и неприкосновенность владений супруги, в которых она распоряжается и чинит суд. Часть территорий выделялась княгине из уделов сыновей — для владений прекарных («а что Б(о)гъ розмыслит о моеи княгинѣ, и тѣ волости и села во чьѣмъ оудѣлѣ, то тому и есть» [3, с. 134]). Тем не менее если дань Орде не будет выплачиваться, полагающиеся для выхода средства как с этих, так и с вотчинных владений княгини, остаются ей.

Система наследования в тверском княжеском доме, выстроенная великим тверским князем Михаилом Александровичем, должна была исключить конфликты, подобные тем, что привели к длительной вражде потомков Дмитрия Донского. Завещания тверских князей до нас не дошли, но главные моменты духовной грамоты Михаила Александровича пересказываются в Повести о преставлении Михаила в Новгородской IV летописи.

По завещанию великого тверского князя старший сын Иван получал больше, чем другие (Тверь и семь городов: Новый Городок, Зубцов, Радилы, Вьбрынь, Опоки, Вертязин, Ржеву). Примечательно, что при этом названы и дети Ивана — Александр и Иван, которые должны были получить указанные владения вслед за отцом. Сыну Федору предназначены два городка Микулина с волостями. Сыну Василию и внуку Ивану Борисовичу — Кашин и Кснятин. Интересно, что Иван Борисович — это сын умершего к тому времени кашинского князя Бориса Михайловича. И чтобы была ясна вся линия наследования этих уделов, назван и сам Борис¹, таким образом, не возникает вопросов, о чьем сыне идет речь и чем владел

¹ Э. Клюг и А.Г. Тюльпин объясняли это тем, что завещанию 1399 года предшествовало завещание более раннее, которое до нас не дошло и могло быть составлено князем до 1395 г. (год смерти его сына Бориса) [1, с. 257; 20, с. 192]. Однако допущение, что летописец в статье под годом преставления князя использовал текст старого завещания при имеющемся и действовавшем окончательном, не представляется вероятным.

покойный [7, с. 324-325]. Такая форма завещания была призвана твердо закрепить наследование территорий и уделов за каждой линией потомков.

Уже вполне определено в завещании тверского великого князя устанавливается в его потомстве порядок наследования от отца к сыну. Михаил Александрович надеялся таким образом прекратить и не допустить в будущем острого соперничества между дядями и племянниками. При этом Михаил Александрович увещевает сыновей «брату брата чтити и любити, а старейшего брата всѣмъ слушати» [7, с. 387-388].

Но и такая предусмотрительность не обеспечила мир и бесконфликтность во взаимоотношениях великокняжеских потомков. Вскоре после смерти отца Иван Михайлович, новый великий тверской князь, «захотѣша свою братию обидети, и повелѣша бояром своим цѣлование сложити къ своеи братии ко князю Василию и ко князю Феодору Михайловичем, и ко князю Ивану Борисовичу». Те обратились с жалобой к великой княгине тверской Евдокии. Княгиня посылает к Ивану бояр — своих и обратившихся к ней князей — апеллируя именно к «грамоте» Михаила Александровича. Она апеллирует к душевной грамоте покойного супруга, утверждая, что поведение бояр великого князя неправомерно. Но положениям грамоты Иван противопоставил свою волю, сказав, что его бояре (повидимому, те из них, кто проживал на территории удельных князей) сложили к братьям крестное целование по его слову. Летопись говорит, что он начал на своих родственников «враждовати... и нелюбие дрѣжати» [8, стб. 176]. Конфликты великого тверского князя с удельными продолжались еще долгие годы.

Большинство завещаний последней трети XV — начала XVI вв.² следуют особому формуляру. В начале акта идут статьи, каждая из которых начинается формулой «Дати ми...» и далее — кому именно следует отдать долг. И лишь после исчерпания списка долгов начинается обычный текст завещаний — матери, братьям, племяннику, монастырям³. Завещание Ивана Борисовича Рузского даже названо не духовной грамотой, а «памятью»: «Памет(ь) кн(а)зю Ивану Борисович(ю), кому что дат(и) и оу ков(о) есми что взал» [17].

Характерно, что князья предполагали и предусматривали появление детей после составления завещания не только в случае, если супруга уже ждала рождения ребенка. В частности, так могло быть, если завещатель не был очевидно стар и болен, а составлял завещания, готовясь к участию в войне, в военном походе. Потенциальным детям в духовной предусматриваются отдельные «благословления». Федор Борисович, если родится сын, предназначает ему главные владения: Волок и Ржеву. Дочери он оставлял перешедшие к нему от его матери святыни и иные ценные вещи, а также территориальные владения: «даю своеи дочери на Волоце свою вотчину, волость Воиничи, а во Ржеве даю | своеи дочери свои села Федтково да Спаское и з деревнами». В случае же, если у княгини не будет «вѣрода», вотчина переходит к Ивану III [18].

² Это завещания Юрия Васильевича Дмитровского (1472 г.), Бориса Васильевича Волоцкого (1477 г.), Андрея Васильевича Вологодского (1479-1481 г.), Михаила Андреевича Верейского (1485 г.), вдовы Бориса Волоцкого Юлиании (1503 г.), Ивана Борисовича Рузского (1503 г.), Ивана III (1503 г.), Федора Борисовича Волоцкого (1506 г.).

³ Такая форма завещания с начальной фразой «что кому дати и у ково что взал» (или близкой к ней) регулярно встречается в духовных грамотах не княжеских — еще с XIV века, что в принципе отвечает требованию к формуляру завещания в Эклоге (см.: [19, с. 170]).

К этому времени значение «слова» княгини уже не было столь существенно, как ранее: о таком говорится лишь в завещании Бориса Васильевича: «А к(а)г(и)ни моѡ жи|вет с моим с(ы)н(о)мь⁴ зашдин, а мои с(ы)нъ из ее воли не вымаецса». В следующей статье упоминается роль будущей вдовы в устройении судьбы дочерей. Их нужно будет наделить приданным, когда те будут выходить замуж, и, пишет князь, «моѡ к(а)г(и)ни и мои с(ы)нъ» возьмут его «с отчины» [16].

Чаще же духовная грамота составлялась, когда князь предвидел близкую кончину. Интересно, что такие обстоятельства влияли и на формулы в договорных грамотах, где закладывались нормы, которые будут действовать в случае смерти одного из заключающих договор князей.

Показательны в этом смысле докончания Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским. Первый договор они заключали еще юношами, в нем нет никаких упоминаний о возможной смерти кого-то из них, равно как и указаний на нормы для потомков. Во втором договоре 1372 года, сохранившемся фрагментарно, картина иная. Основные положения должны действовать «до живота», и то же касается детей: «...и твоим дѣтемъ под моими дѣтьми, и до живота» [11]. В третьем договоре, составленном в год смерти Дмитрия Ивановича, формулы «до живота» не встречаются, указаний на то, какие нормы установятся после смерти двоюродных братьев, нет, но неоднократно упоминаются дети князей, а о старшем сыне Дмитрия — Василии говорится особо, ибо он должен стать преемником Дмитрия на великокняжеском столе: «А на семь на всемъ целовали есмы кр(е)сть ѡзь, княз(ь) великыи Дмитр[еи] Иванович, и с(ы)нъ мои, княз(ь) Василеи, и за свои дѣти ко князю Володимеру Ондр[ѣвич]ю и къ его дѣ[тем]. А княз(ь) Володимеръ Ондрѣвич цело|валь кр(е)сть ко мнѣ, ко князю великому, и къ моему с(ы)н[у, ко] князю к Василью, и къ моимъ дѣтем, | и за свои дѣти, по любви, въ правду, безъ всакые х[ит]рости» [12]. Очевидно, что среди детей Владимира Андреевича не было совершеннолетних, за них крест целует он сам.

В завещании же Владимира Андреевича фигурируют 5 сыновей. И при том, что было отмечено повторение в завещании формулы «приказыаю дети свои княгине своей», в начале грамоты читается иное: «Приказы[ваю] брату [с]во[е]му старѣишему, великому кн(а)зю Васил(и)ю Дмитриевичу, кна[гиню с]в[о]ю и дѣти свои на Б(о)зѣ и на тебѣ, брате ст[арѣ]ишой, кн(а)зѣ вел[ики], чтобы с[а] е[си] ими печаловал». Но далее оказывается, что великий князь являет лишь последнюю инстанцию – утверждающую решение княгини: «А что са оучинит межи моих дѣи⁵, ини отошлют своих боѡрь. А чемъ с[л]опрутса их боѡре, ини идут п[еред] [м]ою [кн(а)г(и)ню, и кн(а)г(и)ни моѡ на которог(о) с(ы)на помолвит и вбвинит, и ты, б[рате] старѣишей, кн(а)зѣ вел[ики], на том то доправи». Суд княгини и попечение великого князя должны обеспечить и гарантировать существование вотчин сыновей «без убытка» [13].

Часто договоры содержат статью, предусматривающую попечение о вдове и потомках. Так, в договоре великого князя Симеона Ивановича с братьями читается: «...ког(о) из нас Б(ог)ъ отвѣдет, печаловатиса кнагинею его и дѣтми» [10]. Подобные статьи содержат

⁴ Имеется в виду сын Федор, Иван к моменту составления завещания еще не родился.

⁵ Так в ркп, в других списках *детей*.

договоры великого князя Василия Васильевича с Михаилом Андреевичем Верейским, с Васи́ем Ярославичем Серпуховским и др.

Таким образом, осознавая конечность земной жизни каждого, князья стремились сохранить бессмертие рода, чтобы, по словам Симеона Гордого, «не перестала память роди[те]лии нашихъ и наша, и свѣ|ча бы не оугасла» [4, с. 125].

Литература

1. Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). 1994. Тверь: Антек. 431 с.
2. Кучкин В.А. Власть князей великих и власть князей удельных // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: материалы конференции. 2007. М. С. 135-141.
3. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XV в. — вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 93-100.
4. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XV в. — душевная грамота великого князя Симеона Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 123-125.
5. Кучкин В.А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 149-158.
6. ПСРЛ. Т. 2. 1908. СПб. 638 с.
7. ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. 1925. Л. 215 с.
8. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. 1922. Пг. 216 с.
9. ПСРЛ. Т. 18. 1913. СПб. 317 с.
10. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 3.
11. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 4.
12. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 7.
13. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Разд. I. № 12.
14. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Разд. I. № 15.
15. РГАДА. Ф. 135. Отд. II. Разд. I. № 21.
16. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 24.
17. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 32.
18. РГАДА. Ф. 135. Оп. I. Рубр. I. № 33.
19. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 37.
20. Семенченко Г.В. Византийское право и оформление русских завещаний XIV-XV вв. // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 164-173.
21. Тюльпин А.Г. Политическая история великого княжества Тверского в первой четверти XV в. // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. 1997. Тверь. С. 162-1176.

References

1. Klyug E. Knyazhestvo Tverskoe (1247-1485 gg.). 1994. Tver': Antek. 431 p. (In Russ.).
2. Kuchkin V.A. Vlast' knyazei velikikh i vlast' knyazei udel'nykh // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Politicheskie instituty i verkhovnaya vlast'. XIX chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto: materialy konferentsii. 2007. Moscow, pp. 135-141 (In Russ.).
3. Kuchkin V.A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazei XV v. — vtoraya dushevnyaya gramota velikogo knyazyа Dmitriya Ivanovichа // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2009. № 3 (37),

pp. 93-100 (In Russ.).

4. Kuchkin V.A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazei XV v. — dushevnyaya gramota velikogo knyazya Simeona Ivanovicha // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2008. № 3 (33), pp. 123-125 (In Russ.).

5. Kuchkin V.A. «Svoi dyadya» zaveshchaniya Simeona Gordogo // Istoriya SSSR. 1988. № 4, pp. 149-158 (In Russ.).

6. PSRL. T. 2. 1908. Saint Petersburg. 638 p. (In Russ.).

7. PSRL. T. 4. Vyp. 2. 1925. Leningrad. 215 p. (In Russ.).

8. PSRL. T. 15. Vyp. 1. 1922. Petrograd. 216 p. (In Russ.).

9. PSRL. T. 18. 1913. Saint Petersburg. 317 p. (In Russ.).

10. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 3 (In Russ.).

11. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 4 (In Russ.).

12. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. II. № 7 (In Russ.).

13. RGADA. F. 135. Otd. I. Razd. I. № 12 (In Russ.).

14. RGADA. F. 135. Otd. I. Razd. I. № 15 (In Russ.).

15. RGADA. F. 135. Otd. II. Razd. I. № 21 (In Russ.).

16. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 24 (In Russ.).

17. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 32 (In Russ.).

18. RGADA. F. 135. Op. I. Rubr. I. № 33 (In Russ.).

19. RGADA. F. 135. Otd. I. Rubr. I. № 37 (In Russ.).

20. Semenchenko G.V. Vizantiiskoe pravo i oformlenie russkikh zaveshchaniy XIV-XV vv. // Vizantiiskii vremennik. 1986. T. 46, pp. 164-173 (In Russ.).

21. Tyul'pin A.G. Politicheskaya istoriya velikogo knyazhestva Tverskogo v pervoi chetverti XV v. // Velikii knyaz' Tverskoi i Vladimirskii Mikhail Yaroslavich: lichnost', epokha, nasledie. 1997. Tver', pp. 162-1176 (In Russ.).

Информация об авторах

Конявская Елена Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8960-9837>, e-mail: ekonyavskaya@gmail.com

Information about the authors

Elena L. Konyavskaya, Doctor in Philology, Leading Research Associate, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8960-9837>, e-mail: ekonyavskaya@gmail.com

Получена 01.12.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023

Accepted 15.12.2023